

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Ад и рай

Святоотеческое учение о вечных муках ада и вечном блаженстве рая

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

АДЪИ РАИ.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

О

ВЪЧНЫХЪ МУКАХЪ АДА

И

ВЪЧНОМЪ ВЛАЖЕНСТВѢ РАЯ,

И

ВИДѢНІЕ РАЯ СВЯТЫМИ.

СЪ РИСУНКЯМИ.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ ТОРГОВАГО ДОМА
ЕВДОКІЯ КОНОВАЛОВА и К^О.

МОСКВА

Типо-Литографія Торговаго Дома Е. Коновалова и К^О.
Большая Андроньевская ул., свой домъ
1911.

АД и РАЙ

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ВЕЧНЫХ МУКАХ АДА И ВЕЧНОМ БЛАЖЕНСТВЕ РАЯ

Составил
Леонид Денисов

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

Сатисъ
Санкт-Петербург
1994 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

И идутъ сѣи (грѣшники) въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.

МѠ. XXV, 46.

„Слово Божіе“, — говоритъ св. Тихонъ Задонскій, — „объявляетъ намъ блаженную вѣчность, или вѣчное блаженство, и неблагополучную вѣчность въ адѣ и гееннѣ огненной. Въ блаженной вѣчности будетъ жизнь безсмертная, въ неблагополучной будетъ смерть безсмертная“ ¹⁾.

¹⁾ См. Творенія, т. II, изд. 5, М. 1889, стр. 226.

И далѣе онъ проникновенно набрасываетъ картину нравственнаго состоянія грѣшника въ вѣчности неблагополучной: тамъ „будетъ удаленіе отъ лица Божія, пребываніе съ дьяволомъ и бѣсами, тьма кромѣшная, скорбь и печаль непрестанная, гласъ воздыханія и плача... Грѣшника будетъ грызть совѣсть безъ конца, придавая мученіе къ мученію. Въ отчаяніи осужденный самъ себя будетъ ненавидѣть, самъ на себя будетъ гнѣваться, будетъ проклинать часъ своего рожденія, проклинать время, въ которое грѣшилъ“¹⁾.

— „О, вѣчность злополучная!“ — восклицаетъ св. Тихонъ. — „Тамъ страданіе безъ утѣшенія, не только словомъ, но и умомъ непостижимое страданіе, которое всегда будетъ, но никогда не кончится“²⁾.

А избранники Божіи, по окончаніи праведнаго суда Христова, пойдутъ съ торжествомъ и восклицаніемъ въ жизнь вѣчную: *царствіе примутъ и вѣнецъ отъ руки Господни* (Прем. V. 16); вселятся въ горнемъ Іерусалимѣ, *имущемъ славу Божію* (Апок. XXI, 11); будутъ видѣть Бога Отца лицомъ къ лицу (II Кор. XII, 12), и *якоже есть* (1, 10, 2); будутъ видѣть Христа Сына Божія, искупившаго ихъ кровію Своею; исполнятся всякихъ даровъ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

утѣшенія, радости и сладости Духа Святаго; будутъ имѣть дружбу со святыми ангелами и вмѣстѣ съ ними во вѣки вѣковъ восхвалять Господа“³⁾.

Много говорили объ адѣ и раѣ, о вѣчности, сопряженной съ мученіемъ для грѣшниковъ и увѣнчанной блаженствомъ для праведниковъ, вселенскіе учителя Церкви, богомудрые руководители наци ко спасенію: св. Ефремъ Сиринъ, св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ, нѣкоторыя поученія которыхъ мы помѣстили ниже:

Но милосердый Господь не словомъ однимъ, но и дѣломъ убѣждаетъ насъ итти по пути праведныхъ: *всѣмъ намъ хотѣя спасти*, Онъ, по неизмѣримому благоутробію Своему, давалъ нѣкоторымъ людямъ возможность видѣть адъ и рай, чтобы они потомъ, пересказавъ свои видѣнія, сильнѣе запечатлѣли въ памяти людей и ужасъ адскихъ мукъ, и блаженство райскихъ наслажденій.

Такъ воинъ Таксіотъ (28 марта) и преп. Феодора (30 декабря), по особому благоволенію Божію, видѣли адъ, а преподобномученица Евдокія (11 марта), св. мучц. Голлиндуха—Марія (12 іюля), преп. Феодора (11 сентября), преп. Матрона (9 ноября), преп. Ефросинъ (11 сентября) и блаж. Андрей юродивый (2 октября) — видѣли рай.

³⁾ См. т. III, стр. 419.

Далѣ мы и помѣстили сказаніе о воинѣ Таксіотѣ, видѣвшемъ адъ, и описаніе видѣній рая, бывшихъ преп. Ефросину и блаж. Андрею юродивому, предпославъ имъ замѣчательное, по глубинѣ мыслей и по силѣ выраженія, описаніе рая, принадлежащее св. Ефрему Сирину, этому великому проповѣднику покаянія, умѣвшему зажигать въ сердцахъ людей пламень вѣры и устремлять ихъ къ искреннему и глубокому раскаянію въ грѣхахъ и къ упованію на безконечное милосердіе Божіе къ кающимся.

I.

АДСКІЯ МУКИ.

ПО УЧЕНІЮ СВ. ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

1. Что такое будущія мученія?

(Св. Іоаннъ Златоустъ).

Будущія блага превышаютъ всякій умъ, не только слово; а противоположное имъ, хотя выражается словами, обычными для насъ,—ибо тамъ, по словамъ Писанія, огонь, мракъ, узы, червь нескончаемый,—означаютъ не только то, что выражаютъ, но нѣчто другое, гораздо ужаснѣйшее; дабы ты убѣдился въ этомъ, обрати теперь же вниманіе, во первыхъ, на слѣдующее. Если тамъ стонъ, то скажи мнѣ, какимъ образомъ, тамъ же и мракъ? Видишь-ли, что онъ гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не угасаетъ потому и называется неугасаемымъ. Представимъ же, какое мученіе быть сожигаемымъ непрерывно, находиться во мракѣ, постоянно испускать вопли, скрежеща зубами, и не быть услышаннымъ? Какое быть сожигаемымъ вмѣстѣ съ убійцами всей вселенной, начево не видѣть и не быть видимымъ, но среди такого мно-

жества людей считать себя одинокимъ? Ибо мракъ и отсутствие свѣта недозволяютъ намъ распознавать даже ближнихъ, но каждый будетъ въ такомъ состояннн, какъ будто бы онъ страдалъ одинъ¹⁾.

2. О безконечности мученій въ гееннѣ.

(Св. Иоаннъ Златоустъ).

Всѣми людьми изслѣдуется вопросъ: будетъ-ли имѣть конецъ огонь гееннскій. Христосъ открылъ намъ, что этотъ огонь не имѣетъ конца: *огнь ихъ не угасаетъ, и червь не умираетъ* (Мрк. IX, 45). Вижу, что вы содрогнулись, слыша это, но что дѣлать? Богъ повелѣваетъ непрестанно возвѣщать это: *возвѣсти, говорить, людямъ симъ* (Ис. LVII, 1): Впрочемъ, если хотите, это не будетъ для васъ неприятно. *Хочешн-ли не бояться, благое твори* (Рим. XIII, 3).

Слѣдовательно, вы можете слушать насъ не только безъ страха, но и съ удовольствіемъ. Христосъ говорить о тѣхъ, которые не питали его: *идуть си въ муку вѣчную* (Матѣ. XXV, 46). Не говори мнѣ, гдѣ же справедливость, если мученіе не будетъ имѣть конца? Когда Богъ дѣлаетъ что-либо, повѣ

¹⁾ 1 бес. на Евр., Слб. 1861, стр. 21—25.

Видѣніе воина Такисота.

нуйся Его опредѣленіямъ и не починай ихъ умствованіямъ человѣческимъ. Притомъ, развѣ это несправедливо, если человѣкъ получившій сначала тысячи благъ, а потомъ сдѣлавшій достойное наказанія, не умудрившійся ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній, подвергается наказанію? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды намъ слѣдовало еще въ началѣ тотчасъ же погибнуть; но Богъ и тогда дѣйствовалъ не по одному закону правды, но вмѣстѣ и дѣйствіемъ Его челоуколюбія было то, чему мы подверглись. Богъ общалъ тебѣ блага больше рая; еще не далъ ихъ, чтобы ты не облѣнился во время подвиговъ, но и не умолчалъ о нихъ, чтобы ты не ослабѣвалъ въ трудахъ своихъ. Адамъ, совершилъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя смерть; а мы каждый день совершаемъ тысячи грѣховъ. Если же онъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя столько зла и ввелъ смерть въ міръ, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущіе во грѣхахъ, хотя и ожидающіе небо вмѣсто рая? Если получившій меньшее осужденъ, и ничто не могло оправдать его, то тѣмъ болѣе мы, призванные къ вышнему и согрѣшающіе больше его, подвергнемся нестерпимымъ мученіямъ, которыя будутъ вѣчны¹⁾.

¹⁾ 9 бес. на 1 Кор., ч. 1. Слб. 1860. стр. 149-163.

3. Различныя степени мученій.

(Св. Ефремъ Сиринъ).

Различны мученія, какъ слышали мы въ Евангеліи. Посему *тыча кромѣшная* (Мѣ. 8, 12) — въ особой странѣ; *гесина огненная* (Мѣ. 5, 22) — иное мѣсто; *скрежетъ зубовъ* (Мѣ. 13, 42) — иное. *Червь неусыпающій* (Марк. 9, 48) — также иное; одно мѣсто — *огненное озеро* (Апок. 19, 20), а другое — *тартаръ* (2 Петр. 2, 4); *огонь неугасимый* (Марк. 9, 48) — одно, *преисподняя* (Фил. 2, 10) — другое. На эти-то мученія распредѣлены будутъ несчастные, каждый въ мѣру прегрѣшеній своихъ. Какъ различны грѣхи, такъ различны и мученія.

Иначе мучится прелюбодѣй, иначе — блудникъ, иначе — убійца, иначе — воръ и иначе — пьяница. Осквернившіе себя ересями услышатъ: *да возмется нечестивый, да не увидитъ славы Господни!* (Ис. 26, 10).

Кто имѣлъ вражду съ другимъ, найдеть себѣ неумолимое осужденіе и, какъ ненавистникъ, посланъ будетъ во тьму кромѣшную, потому что возненавидѣлъ Христа, сказавшаго: *любите другъ друга и прощайте другъ другу.*

Горе тогда будетъ блуднику, горе прелюбодѣю, горе пьяницѣ, горе чародѣямъ и гадателямъ. Горе пьющимъ вино съ веселіемъ и плясками, горе оскверняющимъ себя еретическими хуламъ, горе погубившимъ время

покаянія въ смѣхъ и развлеченіяхъ. Горе оправдывающимъ нечестиваго ради даровъ, горе проживающимъ чужое!..

Тогда всё пойдутъ они въ путь съ котораго нѣтъ возврата.

Разлучены будутъ нѣкогда царствовавшіе: станутъ плакать они, какъ дѣти, и будутъ изгнаны, какъ невольники. Разлучены будутъ монахи, жившіе въ непадѣннѣ, любившіе міръ и рассуждавшіе по-мірокому. Разлучены будутъ родители съ дѣтьми, друзья съ друзьями. Разлучены будутъ супруги, не уберегшіе ложа неоскверненнымъ. Впрочемъ, не станемъ говорить болѣе, потому что страхъ объемлетъ уже меня...

Побѣгутъ тогда грѣшники, изгоняемые, принуждаемые и бичуемые свирѣпыми ангелами; побѣгутъ они, скрежеща зубами и все чаще и чаще оглядываясь назадъ, на праведныхъ, съ которыми разлучены. Увидятъ они ту радость и тотъ свѣтъ, въ которыхъ имъ нѣтъ удѣла и станутъ горько плакать и, наконецъ, кроются изъ вида. И приблизятся они къ самому страшному мѣсту, гдѣ снова будутъ разлучены и распредѣлены по родамъ мукъ¹⁾.

¹⁾ Творенія, т. II, М. 1858, гл. 37, стр. 372—374.

(Св. Василій Великій).

Если Богъ есть праведный Судія, не только добрыхъ, но и порочныхъ, воздающій каждому по дѣламъ его, то аной можетъ быть достойнымъ огня неугасимаго, или слабѣйшаго, или болѣе пожигающаго, другой—червя неумирающаго, но опять или сноснѣе, или нестерпимѣе причиняющаго боль, по достоинству cadaго, а иной—геенны, въ которой, безъ сомнѣнія есть разные роды мученій, а другой—тѣмы кромѣшной, гдѣ одинъ доведенъ до плача, а другой, отъ усиленныхъ мученій, и до скрежета зубовъ. Самая тѣма кромѣшная, безъ сомнѣнія, показываетъ, что есть въ ней нѣчто и внутреннее. И сказанное въ притчахъ: во днѣ ада! (Притч., IX, 18) даетъ разумѣть, что нѣкоторые, хотя въ адѣ, но не во днѣ ада, терпятъ легчайшее мученіе¹⁾.

(Св. Іоаннъ Златоустъ).

Не за всѣ грѣхи одинаково наказываетъ Богъ; но есть многія и различныя наказанія, смотря по времени, по лицамъ, по достоинству, по разуму и по многимъ другимъ обстоятельствамъ. Тяжесть грѣха увеличивается отъ того, совершенъ-ли онъ сознательно, или без-

¹⁾ Творенія, т. I, М. 1872. Краткія правила, 267 вопр., стр. 346—347.

сознательно; и отъ мѣста, на что Самъ Христосъ указываетъ: *между церквію и алтаремъ* (Матѣ. XXIII, 35); и отъ качества самыхъ преступленій, и отъ лицъ. Подобнымъ образомъ, если кто гревосходитъ своею безпечностью самыхъ худшихъ людей, что Богъ порицаетъ у Іезекііля въ слѣдующихъ словахъ: *ниже по судомъ языческимъ ты сотворилъ* (V, 7); когда кто-либо не исправляется даже примѣрами другихъ; когда кто не пользуется особеннымъ промышленіемъ: *аще въ Тиръ и Сидонъ быша силы. бывшія въ вась, древе убо покаялись быша. Обаче Тиру и Сидону отрадише будетъ ниже граду сему* (Матѣ. XI, 21). Видишь-ли совершенную точность, и то, что не воѣ за одни и тѣ же грѣхи получаютъ равное наказаніе? И мы, если не воспользуемся долготерпѣніемъ Божиимъ, подвергнемся большому наказанію. Это подтверждаетъ ап. Павелъ: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собиращи себѣ гнѣвъ*. (Рим. II, 5)¹⁾.

¹⁾ 75. бс., на Ев. Матеея ч. 3, М. 1887, стр. 268—286.

II.

БЛАЖЕНСТВО РАЯ.

ПО УЧЕНІЮ СВ. ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

1. Св. Ефремъ Сиринъ.

(О раѣ¹⁾).

„Духовнымъ окомъ възрѣлъ я на рай. Горныя вершины не достигаютъ до его высоты... Красота его возбуждаетъ радость и влечетъ къ себѣ шествующихъ, озаряя ихъ блескомъ лучей и услаждая ихъ своимъ благоуханіемъ. Свѣтоносныя облака образуютъ кущи для достойныхъ его... Далекъ отъ взоровъ рай, недосыгаемъ онъ для ока; поэтому можно рѣшиться изобразить его только въ сравненіяхъ. Представляй себѣ рай въ видѣ

¹⁾ Это произведеніе св. Ефрема въ подлинномъ текстѣ имѣетъ раздѣленіе, смотря по рукописамъ, то на 11, то на 15 гимновъ. Мы выбрали наиболѣе характерное, изъ чего составили цѣлый отрывокъ. Дивная внутренняя прелесть и высокая поэзія отличаютъ это описаніе рая. Въ оригиналѣ, на сир. яз., находится оно въ изд. „Asseman. Roma“, 1746, t. III, p. 562—598; въ рус. пер. Моск. Дух. Академіи, часть VII. М. 1882, стр. 58—102. Далѣе, при каждомъ отрывкѣ, мы даемъ ссылку на указанный переводъ. Описаніе рая, отличающееся нѣкоторыми чертами, слѣдуетъ понимать согласно съ ученіемъ Церкви, въ болѣе духовномъ смыслѣ.

свѣтлаго вѣнца, окружающаго луну: онъ также окружаетъ собою и море, и сушу...

Кто въ состояніи перечислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его, пространенъ рай для обитающихъ въ немъ. Свѣтлы чертоги его: источники его услаждаютъ своимъ благоуханіемъ, но, изливаясь къ намъ, теряютъ его на нашей землѣ, потому что получаютъ вкусъ земной, пригодный для нашего питья...

И разнообразилъ и умножилъ красоты рая создавшій ихъ Художникъ: для низшихъ назначилъ Онъ низшую часть рая, для среднихъ—среднюю, а для высшихъ—самую высоту.

Когда праведники взойдутъ на стѣны, назначенныя имъ въ наслѣдіе, тогда каждый, по мѣрѣ подвиговъ своихъ, будетъ возведенъ на ту именно стѣну; какой онъ достоинъ и на какой ему должно пребывать. Какъ велико число и различіе стѣней, такъ же велико число и различіе въ достоинствахъ поселяемыхъ: первая стѣнь назначена покаявшимся, середина—праведнымъ, высота—побѣдителямъ. Чертогъ Божества превознесенъ надъ всѣмъ.

Невозможно даже мысленно представить себѣ образъ этого величественнаго и превознесеннаго сада, на вершинѣ котораго обитаетъ слава Господня...

Можно полагать, что благословенное „древо жизни“, по лучезарности своей, есть солнце рая; свѣтоносны листья его; на нихъ отчетливы духовныя красоты сада; прочія деревья, по вѣянью вѣтровъ, преклоняются подъ этимъ вождемъ и какъ бы царемъ деревьевъ.

Посреди рая насадилъ Богъ „древо познанія“, окружилъ его страхомъ, оградилъ ужасомъ, чтобы, подобно оградѣ, они охраняли его окрестность..

Насадившій „древо познанія“, помѣстилъ его посреди рая, чтобы отдѣляло оно низшее и высшее: святое святыхъ...

Ничьи уста не могутъ изобразить внутренность этого сада и привлекательныя красоты его внѣшности; даже простыхъ украшеній на оградѣ его нѣтъ возможности описать, какъ было бы должно.

Блистательны краски его, дивны благоуханія, вожделѣнныя красоты, многоцѣнны яства.

У края ограды рая—послѣднія изъ сокровищъ его, но и они превосходятъ богатствомъ всѣ сокровища вселенной. Блаженство у самой ограды далеко оставляетъ за собой всѣ блага земли...

Тамъ видѣлъ я кущи праведниковъ, разливающихія благоуханіе, убранныя дѣтлами, увѣнчанныя вкусными плодами. Куща ка-

Видѣніе преп. Магоны.

2

ждаго украшена соразмѣрно съ подвигами его: одна ниже своимъ убранствомъ, другая сияетъ своей красотой; одна менѣе по виду, другая блистаетъ славою.

Уже я готовъ былъ оставить рай, какъ внезапно внутри его раздался, какъ въ станѣ, голосъ поющихъ при звукахъ трубныхъ: *святъ, святъ, святъ!* И услышалъ я, какъ славословится въ раю Божество. Блаженъ, кто сподобится рая по праведности или по благодати, по подвигамъ или щедротамъ.

Всѣ члены оковываетъ рай полнотою своихъ радостей: плѣняетъ глаза своимъ убранствомъ, слухъ — звуками, вкусъ и обоняніе — яствами и благоуханіями. Благословенъ Призвавшій въ рай подвизавшихся во бдѣніи и постѣ, чтобы за постничество свое насладились они утѣшеніемъ, упаслись на отраднѣхъ пожитяхъ!

Будте терпѣливы, сѣтующіе: вы вступите въ рай. Роса его смоесть вашу нечистоту; пристанище его возвеселитъ васъ; вечера его положитъ конецъ вашимъ трудамъ; она предложитъ алчущимъ утѣшеніе, которое очищаетъ вкушающихъ его, и жаждущимъ небесное питіе, умудряющее пьющихъ его.

Блаженъ нищій, устремляющій взоры къ этой странѣ, наполненной несмѣтнымъ множествомъ богатства! Аметисты и иные драгоценные камни отложены внѣ ея, низринуты

оттуда, какъ соръ: они осквернили бы эту страну славы... они показались бы мутными и темными въ этой лучезарной странѣ...

Прилѣпись духомъ къ раю, старость! Благовоніе его возвратитъ тебѣ дѣтство, дыханіе его постаритъ тебѣ юность; онъ облечетъ тебя въ красоты, которыми прикроются скверны твои. Въ Моисеѣ видимъ мы твой образъ. Его покрытыя морщинами ланиты, цвѣтя и сіяя, стали образомъ старости, молодѣющей въ Эдемѣ...

Нѣтъ темныхъ пятенъ въ обитателяхъ рая, потому что чисты они отъ грѣха; нѣтъ въ нихъ гнѣва, потому что они свободны отъ всякой раздражительности; нѣтъ насмѣшки, потому что имъ не знакомо никакое коварство. Не дѣлаютъ они другъ другу вреда, не питаютъ въ себѣ вражды, потому что для нихъ не существуетъ зависти; никого тамъ не осуждаютъ, потому что нѣтъ тамъ обидъ.

Тамъ видятъ себя въ славѣ сыны человеческіе; сами себѣ дивятся они, почему ихъ природа стала спокойною и чистою, почему наружно красотою, а внутренно чистотою сіяютъ; видимо — тѣло, а невидимо — души...

Кто не позволялъ себѣ ни проклятія, ни злословія, того прежде всѣхъ ожидаетъ райское благословеніе. Кто взгляды очей своихъ постоянно хранилъ чистымъ и цѣломудрен-

нымъ, тотъ увидитъ наивысшую красоту рая. Кто всяческую горечь подавлялъ въ своихъ помыслахъ, по членамъ того протекаютъ источники сладостнаго веселенія...

Кто съ Данииломъ, которому воздавали честь цари, преклоняясь предъ нимъ въ своихъ діадемахъ, — въ чину себѣ избралъ овощи, такого постника почтутъ тамъ древа, преклоняясь предъ нимъ во всей красѣ своей и зывая: войдя въ кущи наши, живи подъ нашими вѣтвями, подкрѣпляйся нашей росой, наслаждайся нашими плодами!

Кто омылъ ноги святымъ, того очиститъ эта роса. Кто простиралъ руку помощи бѣднымъ, передъ тѣмъ сами собою наклонятся плоды этихъ деревъ. Все множество цвѣтовъ радостно поспѣшатъ увѣнчать ногу, ходившую посѣщать больныхъ, и будутъ оспаривать другъ у друга честь перваго лобзанія.

Кто съ мудрою умѣренностью воздерживался отъ вина, того преимущественно ожидаютъ къ себѣ райскіе виноградники, и каждая лоза простираетъ къ нему свои грозды. А если онъ дѣвственникъ, принимаютъ его въ нѣдра свои, потому что, живя одиноко, не позналъ онъ супружескаго лона, не восходилъ на брачное ложе...

Вѣнчавшіеся здѣсь мечемъ за Господа нашего славно въ вѣнцахъ своихъ восторжествуютъ тамъ побѣду, потому что тѣла ихъ

презрѣли огонь ихъ мучителей. Какъ звѣзды, сияють тамъ семь сыновъ свѣта—(мученики Маккавей) — побѣдный вѣнецъ ихъ матери, — потому что смертью своею они посрамили ярость нечестиваго.

Блаженство страны той обновить женъ, потрудившихся въ служеніи святымъ. Тамъ увидать онѣ, какъ блаженствуетъ въ Эдемѣ вдовица, принявшая нѣкогда въ домъ свой Илію. вмѣсто двухъ питавшихъ ее источниковъ — водоноса и чванца — даютъ ей пищу въ Эдемѣ древесныя вѣтви, потому что пропитала она бѣдныхъ...

Если хочешь прійти къ „древу жизни“, оно вѣтви свои, какъ ступени, наклоняетъ къ стопамъ твоимъ, призываетъ тебя на лоно свое, чтобы возсѣлъ ты на ложъ вѣтвей его, готовыхъ преклонить предъ тобой хребетъ свой, обнять и тѣсно сжать въ обиліи цвѣтовъ и успокоить, какъ младенца на рукахъ матери.

Кто видѣлъ трапезу на вѣтвяхъ этого дерева? Цѣлые ряды плодовъ разнаго рода подъ руками вкушающаго; по порядку, одинъ за другимъ они сами приближаются къ нему. Плоды насыщаютъ его и утоляютъ жажду, роса служитъ ему омовеніемъ, а листы — чистымъ платомъ. Не истощается сокровищница у богатаго всѣмъ Господа!

Среди самаго чистаго воздуха стоятъ тамъ

твердо и укоренившіяся деревья; отъ зрѣлыхъ плодовъ тучнѣетъ ихъ вершина, а нижнія вѣтви всѣ въ цвѣтахъ. Кто когда слышалъ или видѣлъ, чтобы носилось надъ головою облако, подобное кущѣ, въ которой сводъ изъ плодовъ, а подъ ногами стелется цвѣтной коверъ? Едва ославляютъ тебя волны одного потока отрадь, — какъ манить уже къ себѣ другой. Все исполнено радости. Здѣсь вкушаешь плодъ, а тамъ освѣжаешься питьемъ; здѣсь омываешься чистой росой, а тамъ умащаешься благовонной влагой; здѣсь обоняешь благоуханіемъ, а тамъ внимаешь усаждающей пѣни...

Туда и сюда носятъ передъ праведниками вѣтры. Одинъ навѣваетъ пищу, другой изливаетъ питье... Духовно питають тамъ вѣтры живущихъ духовно. Не утомляетъ тамъшняя вечеря: рука не утруждается, нѣтъ дѣла зубамъ, не обременяется чрево.

Райское благоуханіе насыщаетъ безъ хлѣба; дыханіе жизни служитъ питьемъ. Чувства утопають тамъ въ волнахъ наслажденій, которыя изливаются на всѣхъ и во всѣхъ возможныхъ видахъ. Никто не чувствуетъ обремененія въ этомъ сонмѣ радостей, и всѣ безъ пресыщенія наслаждаются ими, взумляясь величію Божію...

Тѣла, заключающія въ себѣ кровь и влагу, достигаютъ тамъ чистоты, сдѣлаковой съ

самой душой. Крылья души, здѣсь обремененной, тамъ становятся гораздо чище и уподобляются уму. Самый умъ, который мятется здѣсь непрестанно, тамъ безмятеженъ, подобно величію Божию...

Душа достоинствомъ своимъ выше тѣла, выше ея духъ, а выше ея духа — сокровенное Божество. Но при концѣ плоть облегчается въ красоту души, душа — въ сіяніе духа, а духъ уподобится величію Божию...

Благорастворенъ воздухъ, окружающій рай со внѣ; вблизи его каждый мѣсяць благорастворенъ. Пасмурный февраль такъ ясенъ, какъ май; холодный и бурный январь подобенъ августу; июнь подобенъ марту, палящій июль — россоносному сентябрю...

Каждый мѣсяць разсыпаетъ цвѣты вокругъ рая, чтобы во всякое время быть готовъ вѣнецъ изъ цвѣтовъ, которымъ бы увѣнчать ему хотя стопы рая, когда недостойнъ увѣнчать его голову.

Бурнымъ мѣсяцамъ съ ихъ вѣтрами нѣтъ доступа въ рай, гдѣ господствуетъ миръ и тишина. Не могутъ коснуться они благословеннаго воздуха, который небеснымъ своимъ дыханіемъ дѣлаетъ людей безсмертными...

Неизсякаемо льется тамъ потокъ произведеній каждаго мѣсяца; и каждый изъ нихъ приноситъ плоды свои вскорѣ за цвѣтами...

Плодоносіе райскихъ деревьевъ подобно

непрерывной цѣпи. Если сняты и опали первые плоды, появляются за ними вторые и третьи...

Въ благословенной странѣ блаженства нѣтъ ни вредоноснаго холода, ни палящаго зноя. Тамъ пристань радостей, тамъ обитель свѣта и веселенія; тамъ раздаются повсюду звуки гуслей и цѣвницъ. слышны всю Церковію воспѣваемые *осанна, аλληлуія!*.

Вмѣсто ограды окрестъ рая — всевеселящій покой, вмѣсто стѣнъ и преградъ — всеумиротворяющій миръ. Херувимъ, стерегущій рай, привѣтливъ къ блаженнымъ, обитающихъ въ раю, и грозенъ для отверженныхъ, которые внѣ рая...

Взянемъ, исходящимъ изъ благословенной части рая, услаждается горечь нашей земли, Эдемомъ еще дышетъ нашъ изнемогшій міръ: имъ проповѣдуется, что нашей мертвенности послано врачество жизни...

Взиралъ я на эту страну и сплѣлъ, оплакивая себя и подобныхъ мнѣ. Миновались дни мои, протекли какъ единый день, они утратились и исчезли, а я и не замѣчалъ. Объяло душу мою раскаяніе, потому что утратилъ я и вѣнецъ, и славу, и ризу, и свѣтлый брачный чертогъ, и трапезу царствія...

Когда выступилъ я изъ предѣловъ рая и достигъ земли, поражающей тернія, встрѣ-

тили меня болѣзни и страданія всякаго рода. И увидѣлъ я, что страна наша есть темница, что предъ взорами у меня—заклученные.

Когда Господь довершилъ созданіе Адама, то взявъ его и поселилъ въ раю. Ни душа безъ тѣла, ни тѣло безъ души не могли войти туда. вмѣстѣ вошли они чистыя и совершенныя,—и вмѣстѣ же вышли, ставши нечистыми. А это показываетъ, что вмѣстѣ и войдутъ они въ рай въ день воскресенія!

2. Св. Василій Великій.

(Различныя степени блаженства).

Такъ какъ многи обители въ Дому Отца (Іоан. XIV, 2), и различныя жребія назначены въ землѣ наслѣдія, которую наслѣдуютъ кротцыи (Матѣ. V, 4); то ясно, что иные упокоятся въ свѣтлости Божія явленія, а иные подъ покровомъ небесныхъ силъ, другіе же въ славѣ свѣта закроются, какъ бы дымомъ. Или, можетъ-быть, самому Сіону возсіяетъ свѣтъ, а окрестъ Сіона возсіяетъ облакъ во дни, не отъ иного чего происходящій какъ отъ самого свѣта. Какъ дымъ бываетъ отъ огня, такъ это облако составляетъ свѣтомъ. Обитающіе подъ нимъ будутъ наслаждаться великою славою, какъ озаряемые самымъ облакомъ, которое во время зноя распространяется надъ ихъ головами и

Видѣніе св. Власія о преп. Евфросиніи.

осѣненіемъ своимъ доставляетъ пріятную прохладу, а когда прольютъ жестокіе дожди, замѣняетъ непроницаемыя завѣсы, достаточно закрываетъ собой требующихъ прикрытія, и своею густотою преграждаетъ взоры¹⁾.

III.

ВИДѢНІЕ РАЯ СВЯТЫМИ.

1. Предварительныя указанія.

Многимъ святымъ при жизни или передъ смертью ихъ даровано было благодатью Божіею видѣніе рая.

Такъ, напримѣръ, преподобномученица Евдокія разсказывала о себѣ иноку Герману, который научилъ ее познанію истиннаго Бога, что одинъ свѣтлый юноша, явившись ей и взявъ за руку, повелъ на воздухъ и потомъ, какъ только они приблизились къ небесамъ, съ радостью встрѣчали ихъ ангелы (см. Минеи-Четьи, подъ 1 марта).

Ангель показывалъ также рай св. мученицъ Голиндухѣ (во св. крещеніи Маріи), — (12 іюля) и свв. мученикамъ Тимошею и Мавръ (3 мая).

Къ игумену той обители, гдѣ жила блаженная Теодора, подвизавшаяся въ мужскомъ

образѣ, пришли два свѣтлые мужа, повели его на небеса, ввели въ рай, показали чертогъ и золотой одръ, и сказали: все это уготовлено для чернца твоего Теодора, который по виду только мужъ, естествомъ же жена (11 сентября).

Преп. Матронѣ передъ кончиною было такое видѣніе: ей казалось, что она находится на одномъ прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ растутъ множество деревьевъ, текутъ чистыя воды, прекрасныя птицы поютъ сладкозвучно, — и такъ хорошо то мѣсто, что невозможно его вполне описать: это былъ рай Божій! Тамъ стояли благолѣпныя жены, которыя показывали преп. Матронѣ пресвѣтлую палату и говорили ей: Матрона! Это домъ твой, уготованный тебѣ отъ Бога; приходи и живи въ немъ!

2. Воинъ Таксіотъ и его видѣніе ада.

(28 марта)¹⁾.

Въ Кареагенѣ, городѣ сѣверной Африки, жилъ одинъ человекъ, по имени Таксіотъ, по занятію воинъ. Онъ проводилъ свою жизнь въ великихъ грѣхахъ.

Когда случилась въ Кареагенѣ эпидемія, Таксіотъ почувствовалъ страхъ и опомнился.

¹⁾ Составлено по Минеямъ-Четьямъ. Таксіотъ не есть имя собственное. Это слово, въ переводѣ съ греческаго, означаетъ воинъ.

Онъ сталъ раскаиваться въ грѣхахъ своихъ и, выйдя съ женой своей изъ города, поселился въ одномъ мѣстечкѣ, наложивъ на себя молчаніе.

Немного времени спустя, онъ впалъ въ прелюбодѣяніе съ женою челоуѣка, снимавшаго у него землю и жившаго съ нимъ въ одномъ селеніи.

Спустя нѣсколько дней, Таксіотъ былъ ужаленъ ядовитою змѣей и умеръ.

На разстояніи одной стадіи отъ этого селенія находился монастырь. Жена Таксіота пошла туда и упросила монаховъ взять тѣло умершаго, чтобы похоронить его въ церкви.

И вотъ его похоронили въ девять часовъ утра.

Когда наступило три часа дня, изъ его гроба слышанъ вопль.

— Помилуйте меня, помилуйте меня!— неслось изъ гроба.

Приблизившіеся ко гробу услышали голосъ мертвеца, быстро раскрыли гробъ и нашли погребеннаго живымъ.

Всѣ въ изумленіи спрашивали Таксіота, желая узнать, что было съ нимъ, и какъ онъ ожилъ.

Но Таксіотъ ничего не могъ рассказать отъ сильнаго плача и рыданія. Онъ только просилъ, чтобы его вели къ рабу Божию епископу Тарасію.

И привели его къ епископу, который три дня принуждалъ Таксіота, чтобы тотъ рассказалъ ему, что онъ видѣлъ тамъ.

Но Таксіотъ на четвертый день только могъ говорить.

Съ мучительными слезами онъ началъ свой рассказъ.

— Когда я умиралъ,—говорилъ Таксіотъ,— я увидѣлъ какихъ-то эеіоповъ, которые стояли возлѣ меня. Ихъ видъ былъ невыразимо страшенъ,—душа моя металась и мучилась. Потомъ я увидѣлъ двухъ юношей чудно-прекрасныхъ, и душа моя вскочила въ руки ихъ.

И тотчасъ мы, словно летя, стали восходить съ земли въ высоту. Мы встрѣтили мытарства, подстерегающіе восходъ души всякаго челоуѣка, и каждое мытарство за свой грѣхъ истязало: одно за ложь, другое за зависть, иное за гордость...

— И я видѣлъ въ ковчежцѣ, держимомъ ангелами, всѣ мои добрыя дѣла; ангелы брали ихъ и сопоставляли съ моими злыми дѣлами. Такъ мы прошли мытарства. Когда же, приближаясь къ вратамъ небеснымъ, мы пришли къ мытарству блуда, удержали меня тамъ подстерегавшіе и вынесли всѣ мои блудныя дѣла, совершенныя мною съ дѣтства и доселѣ.

И сказали водившіе меня ангелы:

— Всѣ тѣлесныя грѣхи, которые ты со-

вершилъ въ городѣ, прощены, потому что ты раскаялся въ нихъ.

И сказали мнѣ противники мои:

— Но когда ты вышелъ изъ города, въ селеніи ты согрѣшилъ съ женою твоего земледѣльца.

Слыша то, ангелы не нашли добраго дѣла, чѣмъ возмѣстить грѣхъ мой, и, оставивъ меня, ушли.

Лукавые духи взявъ меня били и свели внизъ. Сквозь разсѣдающуюся землю я былъ введенъ ими узкими входами между тѣсныхъ и смрадныхъ скважинъ до преподныхъ темницъ ада. Тамъ души грѣшныхъ затворены во тьмѣ вѣчной, гдѣ нѣтъ имъ жизни, но мука вѣчная, неутѣшный плачь и неисповѣдимый скрежетъ зубовъ. Тамъ всегда вопиютъ сильнымъ воплемъ, говоря:

— Горе намъ, горе! Увы, увы!

Невозможно высказать существующихъ тамъ бѣдъ и нельзя объяснить тѣхъ мученій, которыя я видѣлъ тамъ. Они стонутъ, и никто о нихъ не жалѣеть; плачутъ, и нѣтъ утѣшающаго, ни забавляющаго.

И я былъ затворенъ съ ними въ этихъ темныхъ мѣстахъ и посаженъ въ тѣснотѣ. Я плакалъ и рыдалъ, будучи заключенъ съ девяти до трехъ часовъ.

Затѣмъ я увидалъ небольшой свѣтъ и двухъ ангеловъ, пришедшихъ туда. Я сталъ

усердно просить ихъ, чтобы они вывели меня изъ этой бѣды, и я успѣлъ бы принести Богу раскаяніе въ своихъ грѣхахъ.

И сказали мнѣ ангелы:

— Напрасно умоляешь, никто не выходитъ отсюда, пока наступитъ воскресеніе всѣхъ.

Я сильно просилъ и умолялъ, общаясь покаяться.

Тогда одинъ ангелъ сказалъ другому:

— Поручаешься-ли ты за него, что онъ покается?

— Поручаюсь,—отвѣчалъ другой.

И я видѣлъ, что поручникъ мой далъ ему руку.

Ангелы, взявъ, вывели меня оттуда въ гробъ къ тѣлу моему, и сказалъ мнѣ:

— Войди, откуда отлучился.

И видѣлъ я естество души моей, свѣтящееся, какъ жемчугъ, а мертвое тѣло мое, какъ тина, черное и зловонное, и гнушался войти въ него.

Тогда ангелы сказали мнѣ:

— Невозможно тебѣ покаяться, иначе, какъ съ тѣломъ, которымъ грѣшилъ ты.

Но я умолялъ ихъ не входить въ тѣло.

— Войди, сказали мнѣ ангелы: если же нѣтъ, то опять отведемъ тебя туда, откуда взяли.

Тогда я вошелъ, ожилъ, и сталъ кричать: „помилуйте меня“.

— Поѣшь пищи, — сказать ему епископъ Тарасій.

Но Таксїотъ не хотѣлъ ѣсть, и ходилъ только въ церковь ежедневно, припадалъ лицомъ къ полу, исповѣдуясь Богу со слезами и воздыханіемъ. Онъ говорилъ всѣмъ:

— Горе согрѣшающимъ, потому что ихъ ждетъ вѣчная мука!

— Горе не кающимся, — пока есть время!

— Горе оскверняющимъ свое тѣло!

Таксїотъ послѣ своего воскресенія прожилъ сорокъ дней.

Очистившись покаяніемъ и за три дня до смерти узнавъ часъ кончины своей, онъ отошелъ къ Господу милосердому и челоуѣколюбивому, низводящему въ адъ и возводящему оттуда.

3. Преп. Евфросинъ ¹⁾.

(11 сентября).

Въ IX вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ въ одномъ изъ египетскихъ монастырей жилъ святой Евфросинъ. Онъ родился въ одномъ амморейскомъ городѣ близъ Палестины ²⁾.

Въ монастырѣ онъ проходилъ послушаніе повара. Онъ трудился безъ устали въ поварнѣ для братіи и, разжигая вещественный огонь, разгорался въ сердцѣ невещественнымъ

¹⁾ Составлено по Прологу.

²⁾ См. Lamberti, Bibl. Vindobon. III, 857; также арх. Сергія Мисаѣ Востока, т. II, ч. 2, стр. 282.

огнемъ любви къ Богу. Онъ видѣлъ много глумленій и обидъ отъ братіи; перенесъ всякія униженія, оскорбленія, насмѣшки. Но все это терпѣлъ доблестно и переносилъ незлобливо и благодушно.

Среди пучины золь и скорбей пр. Евфросинъ имѣлъ въ сердцѣ своемъ единую отраду — любовь къ Богу, которая давала ему радость и утѣшеніе. Эта любовь согрѣвала его во мракѣ и холодѣ окружавшей его вражды; была свѣтлымъ лучемъ, сладостно ласкавшимъ его одинокую, горькую жизнь.

Такъ, осмѣиваемый и презираемый, какъ ничтожный челоуѣкъ, жилъ долгое время Евфросинъ. Но никто не хотѣлъ взглянуть на него иначе, никому и въ голову не приходило подумать о томъ, какъ онъ живетъ. А онъ жилъ какъ святой, угсжая и служа Богу великими добродѣтелями. Скрывая свои подвиги отъ людей, онъ втайнѣ совершалъ благія дѣла, глубоко тая ихъ отъ братіи. Онъ жилъ въ своемъ внутреннемъ, духовномъ мирѣ, кроткій, любящій всѣхъ оскорбителей своихъ и все имъ прощающій, молящійся за враговъ своихъ и благословляющій ненавидящихъ его.

Такъ жилъ преп. Евфросинъ, и никто изъ братіи не хотѣлъ узнать, что среди нихъ находится челоуѣкъ, котораго они глубоко недостойны.

Видѣніе преп. Андрея Юродиваго.

И такъ все продолжалось, и шло время въ поруганіи и скорби для Евфросина отъ окружающихъ его и въ его непрестанной, внутри себя и втайнѣ творимой молитвѣ къ Богу и въ пламенной любви къ Нему. И этой жизни Евфросинъ достигъ великой святости: Богъ утѣшалъ его и давалъ ему радость въ невыносимой земной жизни. Господь посылалъ ангеловъ Своихъ, и они восхищали его въ сладости.

По временамъ Господь восхищалъ его въ рай, чтобы онъ отдыхалъ и вкушалъ тамъ небесное, невыразимое наслажденіе, и послѣ при продолжающемся ощущеніи его въ своемъ сердцѣ могъ выносить свою жизнь.

Вмѣстѣ съ Евфросиномъ жилъ въ монастырѣ одинъ пресвитеръ, по имени Власій. Этотъ Власій былъ соотечественникъ Евфросина, происходя съ нимъ изъ одного и того же амморейскаго города.

Власій отличался благочестіемъ и никогда не оскорблялъ Евфросина. Онъ одинъ старался заглянуть въ его душу, предполагая въ ней добродѣтель.

Однажды Власій долго молился Богу, прося Его показать ему Своего сокровеннаго угодника.

И вотъ Господь благоволилъ прославить Евфросина, столько лѣтъ поносимаго.

Во время молитвы внезапно, самъ не зная,

какимъ образомъ, Власій былъ восхищенъ въ рай.

Ангель водилъ его по чудному саду, гдѣ онъ увидалъ Евфросина повара. Василій долго стоялъ въ удивленіи и глядѣлъ на него, потомъ спросилъ:

— Ты-ли Евфросинъ, поваръ нашей обители?

— Я, отецъ,—отвѣчалъ Евфросинъ.

Тогда пресвитеръ Власій сказалъ:

— Умоляю тебя, скажи мнѣ, какъ попалъ я грѣшный и непотребный въ это жилище свѣта и радости, и какимъ образомъ и ты находишься здѣсь?

— Ты молился отецъ,—кратко и просто отвѣчалъ Евфросинъ,—и Господь исполнилъ твою молитву.

Въ это время дивное благоуханіе привлекло обоняніе пресвитера. Онъ взглянулъ туда, откуда несся ароматъ, и увидѣлъ какіе-то дивные плоды.

Человѣкъ не знаетъ языка неба, и потому не можетъ назвать райскіе предметы по ихъ имени. Созерцая невѣдомыя ему вещи, онъ не можетъ дать имени чувственнымъ языкомъ, но, примѣняя къ земнымъ понятіямъ, называетъ ихъ такъ, какъ кажется ему сходнымъ съ извѣстными ему вещами.

Такъ и Власій, созерцая невиданные плоды, не зная, какъ ихъ назвать, подумалъ по-человѣчески, что это райскія яблоки.

А эти небесные плоды стройно висѣли на тонкихъ вѣтвяхъ, украшая деревья, высоко поднимавшіяся въ сіяющемъ облакѣ. Они сияли какъ бы насквозь; неизъяснимое благоволеніе разливалось отъ нихъ, и видъ ихъ плѣнялъ зрѣніе, манилъ вкусъ, какъ цѣльбодносная, животворная пища.

— Чьи это яблоки,—спросилъ Власій, не умѣя иначе назвать эти неизвѣстные ему плоды.

— Мои, благодатию Божію,—отвѣчалъ Евфросинъ.

— Можешь ты дать мнѣ хоть частицу отъ одного яблока,—просилъ Власій.

— Бери,—сказалъ Евфросинъ;—что имѣю, то даю по благодати Бога моего.

И Евфросинъ снялъ съ вѣтки три яблока и положилъ ихъ въ руки пресвитера.

Разсвѣтъ едва брезжилъ на разсѣвавшей темлотѣ...

Въ своихъ черныхъ одеждахъ вставала съ своихъ суровыхъ ложъ иноки... Ударили въ билло... И эти простые, трогательные звуки, какъ чистая греза о прекрасномъ бытіи пронесли въ блѣдныхъ просвѣтахъ восходящей десницы...

Власій проснулся... Сердце его билось радостью, все оно дышало такимъ услажденіемъ, какого онъ до сихъ поръ еще не испытывалъ никогда. Онъ взглянулъ на свои руки,

и въ нихъ, завернутые въ его платокъ, лежали дивные плоды.

Власій вскочилъ съ своей жесткой постели и, держа въ лѣвой рукѣ платокъ съ яблоками, правую нѣсколько разъ медленно и благоговѣнно перекрестился, потомъ сталъ ходить и взадъ, и впередъ по келіи. Въ сердцѣ онъ чувствовалъ радость, и его захватывалъ восторгъ... Въ ушахъ Власія отдавался звонъ колокола, и лучи разсвѣта падали на его лицо... Онъ остановился и долго разсматривалъ несенные плоды... А они сіяли, подобно далекимъ звѣздамъ, сорваннымъ съ голубой тверди.

— Это яблоки и въ то же время какъ будто нѣтъ, — думалъ пресвитеръ, глядя на плоды.

Онъ бралъ ихъ руками, словно желая убедиться, во снѣ-ли это все происходитъ или на яву... Но дѣйствительность стояла передъ Власіемъ, яркая и неотразимая, заставляя передъ очевидностью событія увѣриться въ своемъ существованіи. Райскіе яблоки лежали въ его рукахъ, прекрасные, благоуханные, и свѣтъ наступающаго утра терялся, какъ мгла вечера, передъ ихъ чистымъ отблескомъ.

Затѣмъ, движимый несомнѣнной, непререкаемой дѣйствительностью, Власій устремился въ церковь съ дивными плодами въ рукахъ.

Тамъ никого не было, братія не собралась еще въ храмъ къ утрени. Но лампы предъ образами уже были зажжены старцемъ прислужникомъ. И ихъ огоньки мигали въ быстро наступившемъ разсвѣтѣ... Власій остановился по срединѣ церкви и оглянулся кругомъ. Евфросинъ уже пришелъ, и пресвитеръ увидѣлъ его. Онъ бросился къ Евфросину и прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты былъ въ раю Бога нашего и ты это далъ мнѣ яблоки?

— Я, отецъ, — смиренно отвѣчалъ Евфросинъ, — я далъ тебѣ плоды отъ щедротъ Божіихъ. Но прости меня, отецъ, я грѣшникъ, я нуждаюсь въ милосердіи Божиюмъ.

Евфросинъ поклонился пресвитеру до земли, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ пошевелиться, мгновенно исчезъ изъ церкви.

Власій пошелъ къ игумену и открылъ ему все, показывая яблоки. Тотъ созвалъ всѣхъ иноковъ и со словъ Власія все рассказалъ имъ, представляя доказательствомъ эти чудесные плоды. Братія не могли отвести восторженныхъ взоровъ отъ нихъ и — пораженные и умиленные — всѣ единомысленно во главѣ съ игуменомъ пошли къ Евфросину, чтобы попросить у него прощенія за свои обиды ему и воздагъ ему почестъ, какъ великому подвижнику. Но Евфросинъ скрылся и они не могли его найти ни въ церкви, ни

въ келии, и нигдѣ во всей окрестности. Святой исчезъ безслѣдно, и гдѣ онъ жилъ послѣдніе дни своей жизни и гдѣ скончался—неизвѣстно.

Братія горько плакали, что оскорбляли и тѣснили угодника Божія и не могли выпросить у него прощенія. Въ утѣшеніе имъ Власій сказалъ:

— Молитесь Господу о грѣхахъ своихъ, и Онъ Милостивый приметъ ваше раскаяніе ради угодника Своего, и Евфросинъ также проститъ васъ.

— Научитесь отъ него,—онъ подражателъ Бога любви. Вы испытали на себѣ его любовь, когда онъ на всѣ ваши обиды и насмѣшки отвѣчалъ незлобимъ и добротой, и все переносилъ въ кроткомъ безмолвіи! Теперь воодушевитесь его подвигомъ, его смиреніемъ, ради котораго онъ скрылся, чтобы избѣжать славы человѣческой! Подражайте его добродѣтелямъ, оставьте вражду, ссоры, обиды, насмѣшки, имѣйте любовь между собою, живите въ любви, и вы удостоитесь небе лыхъ благъ, которыя Господь такъ обильно даровалъ Евфросину.

Братія плакали и обѣщали измѣниться. Потомъ они раздробили яблоки на мельчайшія части, ѣли сами, и раздавали приходящимъ въ монастырь мірянамъ. И какимъ кто бы ни былъ одержимъ недугомъ, всякій исцѣлялся и становился здоровъ.

Эти плоды имѣли святую силу,—больные выздоравливали, здоровые получали радость и свѣтлое состояніе наполняло ихъ по вкушеніи плодовъ. А Евфросинъ скрылся отъ почитанія людскаго: „удалился, бѣгая неведомо куда“, по выраженію Пролога.

4. Влаженный Андрей юродивый¹⁾.

(2 октября).

Святой Андрей юродивый былъ родомъ славянинъ. Онъ былъ купленъ вмѣстѣ съ другими рабами однимъ гражданиномъ Царьграда, по имени Θεогностомъ.

Θεогностъ полюбилъ его и отдалъ учиться божественному Писанію. Андрей вскорѣ изучилъ Священное Писаніе и часто ходилъ въ церковь. Онъ читалъ святыхъ книги и молился Богу. Однажды онъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ призывался на подвигъ юродства. Съ этого поръ Андрей сталъ юродствовать, совершая тайнѣ великія дѣла добра, любви и терпѣнія.

Онъ такъ былъ угоденъ Богу, что подобно Павлу, былъ восхищенъ до третьяго неба и тамъ слышалъ неизреченные глаголы и узрѣлъ невидимое. Онъ самъ открылъ объ этомъ одному своему вѣрному другу Никифору.

Однажды въ Константинополѣ была зима

¹⁾ Составлено по Минеемъ-Четьимъ.

съ сильнымъ морозомъ; выпалъ большой снѣгъ и дулъ сѣверный вѣтеръ. Проносились бурные вѣтры, которые ломали деревья.

Тогда Андрей, не имѣя ни гдѣ пристанища и одежды, выносилъ тяжкое лишеніе и страданіе.

Когда онъ приходилъ къ нищимъ, чтобы хоть немного гдѣ-нибудь отдохнуть съ ними годъ кровомъ, они гнали его отъ себя лицами, какъ пса.

— Уйди отсюда,—кричали они на него: уйди, песъ. И уже не зная, гдѣ укрыться, Андрей сказалъ самъ себѣ:

— Благословенъ Богъ, я если и умру отъ этого холода—то умру изъ-за любви къ Нему! Но силенъ Богъ и въ колодѣ этомъ дать мнѣ терпѣніе.

Придя въ одинъ уголь, гдѣ кончалась улица и загибался выступъ дома, Андрей увидѣлъ лежащую собаку. Онъ легъ рядомъ съ ней, чтобы согрѣться отъ нея. Но песъ всталъ у ушаль.

— О, какъ грѣшенъ ты,—сказалъ себѣ, прослезившись, Андрей: — не только люди, но и собаки гнушаются тобою!

Въ своемъ великомъ смиреніи отъ не видѣлъ красоты своей души и считалъ себя грѣшникомъ, тогда какъ Богъ только испытывалъ его.

Такъ Андрей лежалъ и уже весь посинѣлъ отъ холода, и, думая, что умретъ, сталъ молиться Богу.

Вдругъ онъ ощутилъ въ себѣ какую-то теплоту и, открывъ глаза, увидѣлъ юношу чудно-прекраснаго, лицо котораго свѣтилось, какъ солнце. Онъ держалъ въ своей рукѣ вѣтку, на которой цвѣли различные цвѣты. Этотъ юноша поглядѣлъ на Андрея и сказалъ:

— Андрей, гдѣ ты?

— Я,—отвѣчалъ Андрей,— во тьмѣ и сѣни смертной.

Явившійся слегка коснулся Андрея по лицу той цвѣтущей вѣтвью и проговорилъ:

— Прими оживленіе своему тѣлу!

И тотчасъ Андрей обонялъ благоуханіе тѣхъ цвѣтовъ, которое, проникнувъ въ его сердце, согрѣло и оживотворило все тѣло его.

Потомъ онъ услышалъ голосъ, который говорилъ:

— Ведите его, пусть утѣшится здѣсь на время, а потомъ опять возвратится.

И тотчасъ съ этими словами налетѣлъ на Андрея сладкій сонъ, и онъ видѣлъ неизреченныя откровенія Божія, о которыхъ подробно разсказалъ Никифору.

— Что сдѣлалось и что было со мною — не знаю, говорилъ Андрей своему другу Никифору.

— Подобно тому, какъ кто спитъ сладко всю ночь, и встанетъ по утру, такъ и я двѣ недѣли находился въ сладостныхъ видѣнiяхъ, какъ хотѣло Божiе произволенiе. Я видѣлъ себя какъ бы въ прекрасномъ и дивномъ раю, удивлялся и думалъ: „что это такое? Я знаю, что живу въ Константинополѣ, какъ же я попалъ сюда, не знаю“.

— Я не могъ понять себя—въ тѣлѣ я захожусь или внѣ тѣла, Богъ знаетъ. Но я видѣлъ себя облаченъ имъ въ невыразимо свѣтлую одежду, какъ бы сотканную изъ молнiй. Я видѣлъ надъ моею головою вѣнецъ, сплетенный изъ одного громаднаго цвѣтка, который имѣлъ такой прекрасный и удивительный видъ, что я не умѣю и не въ силахъ рассказать тебѣ объ этомъ вѣнцѣ. Поясъ царей былъ надѣтъ на меня, я оглядывалъ себя и радовался той красотѣ, которою былъ украшенъ.

— Я изумлялся и дивился умомъ и сердцемъ несказанному благолѣпiю Божiя рая, и, ходя по немъ, веселился и наслаждался. Свѣтлая отрада и глубокая сладость заливали мое сердце. Мои земныя страданiя блѣднѣли и исчезали, уступая мѣсто животворному счастью, которое низшло въ мое сердце, наполнило его, и завладѣло всею существомъ моимъ. Всѣ бѣды, поруганiе, униженiе отъ людей, всѣ скорби, тяжесть и тѣснота моей жизни, которыя я терпѣлъ изъ принятаго на

себя ради любви ко Христу юродства—какъ бы сжимались, свертывались, какъ ядовитыя змѣи, и потомъ распадались и развѣивались...

— Я видѣлъ много садовъ... Высокия деревья колебались своими вершинами, и это колебанiе было чудно и весело зрѣнiю. Благоуханiе исходило отъ ихъ вѣтвей и разносилось въ чистомъ сияющемъ воздухѣ...

Одни изъ тѣхъ деревьевъ цвѣли непрерывно, другiя были украшены златовидными листьями, а инныя были покрыты плодами несказанной красоты.

Плоды эти были разнообразны, и не подходили ни на одинъ изъ земныхъ плодовъ, и невозможно уподобить красоты тѣхъ деревьевъ ни одному земному дереву.

Въ тѣхъ садахъ были безчисленныя птицы; у инныхъ крылья сверкали, какъ золото, другiя были бѣлы, какъ снѣгъ, а инныя были украшены разными пестрыми перьями. Онѣ сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревьевъ и пѣли такъ дивно и упоительно, что отъ сладостныхъ звуковъ ихъ пѣнiя я забылъ о себѣ: такъ улаждалось мое сердце.

И мигъ казалось, что пѣнiе ихъ слышится даже на высотѣ небесной.

Прекрасныя эти сады стояли тамъ рядами, какъ стоитъ полкъ противъ полка. Я ходилъ между ними, и великая радость трепетала въ каждомъ моемъ дыханiи, окрыляла меня

чувством всецѣлой свободы и проникала необъятнымъ удовлетвореніемъ. Тамъ шли обширныя равнины, густая трава ихъ свѣтилась, а цвѣты походили на разноцвѣтные лучи солнца. Среди этихъ цвѣтовъ бѣгали прекрасныя звѣри; одни были бѣлые, другіе голубые, а иные какъ бы обвитыя розовымъ блескомъ разсвѣта. Они всѣ были мирны, веселы и дружны. Какіе-то тонкіе, чрезвычайно пріятные звуки, которыми они обмѣнивались другъ съ другомъ, превосходили всякую земную музыку. Шерсть ихъ, или тончайшія шелковыя нити служили имъ одеждой—я того не могъ понять.

Въ то время, какъ я глядѣлъ на нихъ и удивлялся, что въ раю Божіемъ находятся звѣри, вдругъ послышался голосъ, который словно ниспадалъ съ высоты.

— Что ты удивляешься, Андрей? Или ты сталъ сомнѣваться въ любви Божіей? Богъ любить всѣхъ, и невинныхъ своихъ созданий не отдастъ за вѣчное тлѣніе.

— Умиленіе, какъ усладительный напитокъ, растворилось въ моемъ сердцѣ, и я воздалъ хвалу Господу.

— Я видѣлъ тамъ рѣку великую, которая текла среди садовъ и напоила ихъ. По берегамъ этой рѣки стлался виноградъ... Листья и гроздья его были, какъ золото, и свѣтъ рая отражался на нихъ чудесными образами...

Съ четырехъ сторонъ тамъ вѣяли тихіе и благовонныя вѣтры; чѣхъ дунсеніе колебало сады, которые производили своими листьями дивный шумъ. Ихъ шелестъ такимъ отраднымъ, животрепещущимъ покоемъ наполнялъ сердце, о какомъ и не вѣдаютъ на землѣ люди.

Вдругъ какой-то ужасъ напалъ на меня, и мнѣ показалось, что я стою на верку небесной тверди. Какой-то юноша, одѣтый въ багряницу, съ солнечнымъ лицомъ ходилъ впереди меня. Я думалъ, что это тотъ, который коснулся моего лица цвѣтущею вѣткой.

Идя за нимъ, я увидѣлъ крестъ прекрасный и великій, видомъ похожій на радугу. Вокругъ его стояли огнезрачныя, какъ пламя, пѣвцы.

Они пѣли какую-то сладостную, невѣдомую намъ пѣснь. Я псалъ или скорѣе почувствовалъ сердцемъ, что они прославляютъ бывшаго Распятымъ на крестѣ Господа. Юноша, который шелъ впереди меня, приступилъ ко кресту, поцѣловалъ его, и позвалъ меня, чтобы и я поцѣловалъ его. Я припалъ къ святому кресту съ великимъ страхомъ и радостію и лобызалъ его крѣпко.

Лобзая крестъ, я насыщался неизреченной сладостію, она питала меня, и я почувствовалъ въ себѣ безмѣрную духовную силу.

Миновавъ крестъ, я поглядѣлъ внизъ и увидѣлъ подъ собою словно бездну морскую. Мнѣ показалось, что я иду въ воздухѣ, и испугался и закричалъ къ водившему меня.

— Я боюсь, что упаду въ бездну.
Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Не бойся: намъ надо взойти выше.

Онъ подаль мнѣ руку и, когда я взялся за нее, мы стояли уже выше второй тверди. И тамъ я видѣлъ дивныхъ мужей, и покой ихъ, и радость праздника ихъ, неизглаголанную языкомъ человѣческимъ.

Потомъ мы вошли въ какое-то дивное пламя, которое не опаляло насъ, но только освѣщало. Ужасъ охватилъ меня, и опять водящій меня подаль мнѣ руку, говоря:

— Еще выше намъ надо войти.

И тотчасъ мы очутились выше третьяго неба.

Тамъ я видѣлъ и слышалъ множество небесныхъ силъ, поющихъ и прославляющихъ Бога.

Мы пришли къ какой-то завѣсѣ, блистающей, какъ молнія. Предъ ней стояли страшные юноши; они были высоки, и видъ ихъ былъ похожъ на огненное пламя. Лица ихъ сияли сильнее солнца, и огненное оружие было въ рукахъ ихъ.

Здѣсь благоговѣнно стояло безчисленное небесное воинство. Юноша, который водилъ меня, сказалъ мнѣ:

— Когда отнимется завѣса, тогда увидишь Владыку Христа, поклонись престолу славы Его.

Услышавъ это, я трепеталъ и радовался. Ужасъ и неизреченная радость охватили меня. Я стоялъ и смотрѣлъ, пока отнимется завѣса.

И вотъ, когда какая-то пламенная рука отняла завѣсу, я увидѣлъ Господа моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ, сидящимъ на высокомъ и превознесенномъ престолѣ, и

серафимы стояли окрестъ Его. Онъ былъ облеченъ въ пурпурную одежду. Лицо Его испускало свѣтъ, а очи съ любовью взирали на меня. Я упалъ ницъ предъ Нимъ, поклоняясь лучезарному и страшному престолу славы Его.

Какая тогда радость наполнила и охватила меня отъ видѣнїя лица Его, того невозможно высказать. И теперь, вспоминая то видѣнїе, я исполняюсь неизреченной сладости.

Я въ трепетѣ лежалъ предъ Владыкой моею, удивляясь такому Его милосердію, что Онъ попустилъ мнѣ, человѣку грѣшному и нечистому, прїйти къ Себѣ, и видѣть божественную красоту Его.

Исполненный умиленїя, я думалъ о недостойнствѣ моемъ и, созерцая величіе Владыки моего, говорилъ въ себѣ слова пророка Исаїа: „О, жалкій я! Какъ я, будучи челоуѣкъ и имѣя нечистыя уста, сподобился глазами моими видѣть Господа моего.“

Я услышалъ, что милосердый Творецъ мой пресладкими и пречистыми Своими устами сказалъ мнѣ три божественныя слова.

Эти слова такъ усладили сердце мое и разожгли ее любовью, что я весь таялъ, какъ воскъ, отъ духовной теплоты. И исполнились на мнѣ слова Давида: „бысть сердце мое, яко воскъ таяя посреда чрева моего“.

Потомъ все воинство небесное воспѣло дивную неизреченную пѣснь.

И послѣ этого — не знаю, какъ — я опять очутился въ раю. Я снова ходилъ по раю и думалъ, отчего не видѣлъ Пречистой Бо-

городицы. И вотъ я увидаль какого-то мужа, свѣтлаго, какъ облако. Онъ носилъ крестъ и сказалъ мнѣ:

— Ты хотѣлъ видѣть здѣсь пресвѣтлую Царицу небесныхъ силъ. Но ея теперь нѣтъ здѣсь. Она ушла въ страдальческій міръ помогать людямъ и утѣшать скорбящихъ. Я показаль бы тебѣ Ея святое мѣсто, но нѣтъ теперь времени. Тебѣ надо опять возвратиться туда, откуда пришелъ, какъ повелѣваетъ тебѣ Владыка.

— Когда онъ говорилъ, мнѣ казалось, что я сладко уснулъ.

Потомъ я проснулся и очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде, лежащимъ въ углѣ. Я удивился тому, гдѣ былъ въ видѣнціи и что сподобился видѣть. Я нашель сердце мое исполненнымъ неизреченной радости, и благодариль Владыку моего, изволившаго явить мнѣ такую благодать.

Все это святой Андрей открылъ другу своему Никифору и взялъ съ него клятву, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ никому, до тѣхъ поръ, пока Андрей разрѣшится отъ узъ плоти.

Никифоръ умоляль его, чтобы онъ сказалъ ему хоть одно слово изъ тѣхъ трехъ словъ, которыя Господь сказалъ ему.

Но Андрей ни за что не захотѣлъ открытъ это. Андрей видѣлъ такую красоту, и такія блага, какихъ не видѣло брѣнное око на землѣ, и слышалъ то, что не слышало смертное ухо, и усладился тѣми, открытыми ему благами, которыя не входили на сердце чловѣку.

К о н е ц ъ.